

ЗАТЪИ ПРОФЕССОРА ВАГНЕРА.

Изъ разказовъ В. Ольдена¹⁾.

Полковникъ отложилъ газету въ сторону.

— Этотъ вопросъ „о силѣ прыжка у различныхъ животныхъ“ напомнилъ мнѣ моего стараго пріятеля, профессора Вагнера, сказалъ онъ. — Потѣшный былъ старикъ, хотя и ученый; и добрыйша... Хотите, расскажу, что онъ унастраиваль?

— Хотимъ, хотимъ! Расскажите! закричали мы всѣ.

¹⁾ Авторъ въ этомъ юмористическомъ разказѣ добродушно подсмѣивается надъ людьми, слишкомъ увлекающимися всякагорода изобрѣтеніями. Конечно, и профессоръ Вагнеръ и всѣ его затѣи—просто выдумка, и всѣ эти разказы—веселая сказка.

— Хорошо. Дѣло было въ Берлинополльсѣ; городишко этотъ, какъ вы, можетъ-быть, слышали, самое скромное, тихое и безобидное мѣстечко въ Соединенныхъ Штатахъ, и судьба поступила коварнѣйшимъ образомъ, забросивъ туда почтеннаго нѣмецкаго профессора. Онъ до такой степени увлекался наукой и всякими изобрѣтеніями, что ему не время и не мѣсто было находиться въ нашемъ богоспасаемомъ городишкѣ. Можетъ-быть, живи онъ въ будущемъ столѣтіи, въ какой-нибудь столицѣ,—его выдумки были бы признаны наукой, усовершенствованы и примѣнены на практикѣ; но никому изъ жителей Берлинополльса (начиная съ супруги самого профессора) не понять было хитроумныхъ затѣй, и даже меня, при всей симпатіи къ доброму старику, разбираетъ только смѣхъ, когда я вспомню объ его опытахъ.

Напримѣръ, хоть этотъ вопросъ о силѣ прыжка: батюшки свѣты, какая это была потѣха!..

Началось тоже по поводу газетной статьи. Захожу я къ профессору и застаю его въ волнении: расхаживаетъ по своей мастерской громадными, грузными шагами, ерошитъ съдые волосы, сердито машетъ газетой и что-то бормочетъ. Замѣтилъ меня—

поспѣшилъ навстрѣчу, протягиваетъ руки и говоритъ съ негодованіемъ:

— Вѣдь это возмутительно! Просто возмутительно!

— Что возмутительно, профессоръ? спрашиваю.

— Да вотъ, прочтите! Тутъ высчитано, насколько далеко можетъ прыгать каждое животное, и оказывается, что хуже всѣхъ прыгаетъ человѣкъ, а лучше всѣхъ — блоха! Блоха, а?!... Вы только подумайте: человѣкъ, царь природы, можетъ перепрыгнуть разстояніе только въ три раза большее своего роста, а блоха, жалкое, глупое насѣкомое, свободно перепрыгиваетъ два фута, то-есть разстояніе въ 500 разъ большее ея собственной длины!.. Вѣдь это обидно, это оскорбительно!..

Очевидно, на профессора нашло крайне возбужденное настроеніе. Я уже зналъ, что послѣ этого обыкновенно создавался какой-нибудь удивительный планъ, основанный на электро-техникѣ, химіи, механикѣ и прочихъ мудреныхъ наукахъ. Глядя на разгорѣвшіяся щеки и блестящія изъподъ косматыхъ сѣдыхъ бровей глаза моего пріятеля, я вспомнилъ о всѣхъ его прежнихъ изобрѣтеніяхъ, изъ которыхъ ни одно не удалось, какъ слѣдуетъ, и невольно улыбнулся:

— Что же, профессоръ, если ужъ это такъ обидно, то вамъ остается только выдумать способъ, посредствомъ котораго человѣкъ тоже могъ бы перепрыгивать разстояніе въ 500 разъ больше собственного роста.

— И выдумаю! И выдумаю! загорчился старикъ. — Неужели человѣкъ не можетъ доказать жалкому насѣко-

мому свое превосходство? Неужели мы обязаны хладнокровно признавать надъ собой первенство такого неразвитого созданія, какъ блоха?.. Нѣтъ, нѣтъ! Тысячу разъ нѣтъ! Когда всѣ люди узнаютъ, какъ возмутительно перепутала природа свойства блохи и человѣка, то, навѣрное, скажутъ мнѣ спасибо за исправленіе подобной ошибки!.. Не безпокойтесь, полковникъ: на этотъ разъ моя идея проста и удалась какъ нельзя лучше; даже мистриссъ Вагнеръ останется довольна.

Убѣждать, шутить, спорить — все было бы бесполезно; послушавъ еще нѣсколько минутъ горячія разсужденія пріятеля, я распрошлся.

Прошло почти два мѣсяца, въ продолженіе которыхъ я встрѣчалъ профессора только мелькомъ. Теперь онъ былъ чрезвычайно молчаливъ, сосредоточенъ и важенъ, какъ обыкновенно въ періоды созданія чего-нибудь небывалаго, и нисколько не измѣнялъ своего настроенія изъ-за пустяковъ, поражавшихъ каждого, кто не зналъ о его послѣдней фантази: съ каждымъ выходомъ изъ дома на немъ оказывались новые синяки, шишки, ссадины, и за эти два мѣсяца онъ показалъ удивленнымъ жителямъ Берлинополльса, что человѣкъ можетъ хромать по крайней мѣрѣ десятью различными способами. Но профессоръ пользовался такимъ глубокимъ уваженіемъ согражданъ, что даже уличнымъ мальчишкамъ не приходило въ голову улыбаться, когда онъ показывался у своихъ оконъ съ цѣлой радугой синяковъ на лицѣ или отправлялся на прогулку самой невиданной походкой.

Я зналъ, что все это означаетъ, и искренно жалѣлъ старика, боясь, что

онъ окончательно сломаетъ себѣ шею, не достигнувъ совершенствъ блохи.

Но прошло недѣль пять, и въ одно ясное майское утро профессоръ явился ко мнѣ въ блестящемъ видѣ: совершенно здоровый, очевидно, довольный собой и полный горделиваго достоинства.

— Вы помните, полковникъ, нашъ разговоръ относительно преимущества блохи передъ человѣкомъ? Ну, такъ знайте, что этого преимущества больше не существуетъ: съ помощью умницы-науки мнѣ удалось изобрѣсти способъ, посредствомъ котораго человѣкъ можетъ перепрыгнуть разстояніе въ 700 разъ длиннѣе его роста!

— Въ 700 разъ длиннѣе?... Это... это было бы ужасно любопытно увидѣть собственными глазами.

— Конечно, вы первый и увидите мое изобрѣтеніе: вы мой единственный другъ въ этомъ заглошемъ мѣстечкѣ. Здѣсь люди прозябаютъ въ полномъ невѣдѣніи сокровищъ науки.

— Когда же и гдѣ вы покажете мнѣ первый опытъ?

— Выбирайте любое время; а мѣсто я приглядѣлъ уже самъ: ближайшее свободное пространство — это лугъ мистера Фадденса, на южномъ краю города.

— Отлично. Дѣйствительно, намъ не найти ближе мѣста, гдѣ бы... вашъ ростъ... гдѣ бы вы могли такъ свободно прыгать... На лугу мистера Фадденса никто васъ не стѣснитъ и даже никто не увидитъ, кромѣ двухъ-трехъ коровъ. А если попадутъ туда ненарокомъ городскія блохи, то, конечно, тутъ же перемрутъ отъ досады. Что же касается времени... да вотъ, сегодня послѣ завтрака мнѣ дѣлать рѣшительно нечего, а погода прекрас-

ная. Отправимся, не теряя времени!.. Только не захватить ли намъ съ собой доктора на всякій случай?

— Полковникъ, вы прекрасный человѣкъ, но все еще не прониклись достаточной вѣрой въ науку. Поймите, что мое изобрѣтеніе построено на строгихъ научныхъ основаніяхъ, и докторъ намъ рѣшительно не нуженъ.

— Ну, какъ хотите.

Ровно въ два часа профессоръ зашелъ за мной. Приступая къ опыту, онъ былъ совершенно увѣренъ въ себѣ и спокоенъ. Подъ мышкой онъ держалъ большой свертокъ, а въ рукахъ удочку и весло. Когда я поинтересовался, зачѣмъ ему понадобились удочка и весло, старикъ отвѣчалъ:

— Для того, чтобы отвлечь отъ насъ вниманіе: если бы люди увидѣли, что мы отправляемся на пастбище съ цѣлью простой прогулки, они нашли бы это подозрительнымъ и могли бы увязаться за нами ради любопытства; а когда у насъ въ рукахъ рыболовныя принадлежности,—никому и въ умъ не придетъ заподозрить что-нибудь необыкновенное.

Это было совѣмъ въ духѣ профессора. Ни на лугу мистера Фадденса и нигдѣ по близости не существовало ни рѣки, ни ручья, и никто изъ нашей публики не мечталъ объ удовольствіи рыбной ловли! Но ученые такой народъ, что стоитъ имъ отложить въ сторону бумагу, карандашъ и разные инструменты, и они моментально начинаютъ разсуждать какъ малые ребята.

Ужъ если чѣмъ-нибудь можно было поразить нашихъ тихихъ обывателей, такъ это удочкой и весломъ (и откуда онъ ихъ выкопалъ?..). Я думалъ, что за нами побѣгутъ всѣ прохожіе.

Къ счастью, на небольшомъ разстоя-

ни, отдѣлявшемъ мой домикъ отъ полей, не встрѣтилось никого, кромѣ дряхлой старушонки; но и та оглянулась на насъ съ большимъ недоумѣніемъ.

Выйдя за послѣдній заборъ, отдѣлявшій чей-то садъ отъ луговъ мистера Фадденса, профессоръ сложилъ въ тѣни свой свертокъ, весло и удочку и, передохнувъ, объяснилъ мнѣ, въ чемъ состоитъ изобрѣтеніе.

Дѣйствительно, идея была очень простая: онъ придѣлалъ къ четыремъ дощечкамъ четыре очень упругія и крѣпкія пружины, сложенные широкими спиралями, въ четыре вершка діаметромъ; придѣлавъ ихъ къ ладонямъ рукъ и подошвамъ сапогъ, профессоръ долженъ былъ влѣзть на заборъ и оттуда прыгнуть внизъ на четвереньки: тогда пружины, сжавшись, съ силой раздадутся—и подкинутъ его; опустившись на нѣкоторомъ разстояніи на землю, онъ, силою своей тяжести, опять надавитъ на пружины, и онѣ снова подбросятъ его; потомъ опять, и опять, и такъ далѣе. Оставалось только слѣдить самому за направленіемъ гигантскихъ прыжковъ.

Все это старикъ объяснялъ мнѣ, сидя на землѣ и прикрѣпляя къ рукамъ и ногамъ толстыя блестящія спирали. Я молча смотрѣлъ на него и не могъ себѣ представить, что это будетъ за картина, когда профессоръ пустится прыгать: онъ былъ далеко не маленькаго роста и ужъ никакъ не худенькій.

— Вы понимаете, прибавилъ онъ,— что для перваго опыта я рассчиталъ силу пружинъ не на всѣ 700 сажень, а только на пятьдесятъ; но ихъ можно сдѣлать и на семьсотъ сажень, и обещаю вамъ, полковникъ, что лишь только

онѣ будутъ готовы, я предложу вамъ первому путешествовать этимъ простымъ и интереснымъ способомъ.

— Гмъ... Вы, право, очень любезны, профессоръ, только, говоря откровенно, меня не особенно привлекаетъ превратиться въ четвероногое существо. Вы этого не находите нѣсколько... страннымъ?

— Видите ли, другъ мой, я хотѣлъ удовольствоваться пружинами только для ногъ, но это оказалось невозможнымъ. Я дѣлалъ опыты у себя во дворѣ разъ десять и каждый разъ сваливался съ высоты на спину или на лицо: невозможно удержаться въ воздухѣ прямо!.. Въ сущности, вѣдь, и блоха прыгаетъ тоже на четырехъ ногахъ, а законы равновѣсія одинаковы для всѣхъ,—значитъ, и мы должны имъ подчиниться, тѣмъ болѣе, что держаться въ воздухѣ въ позѣ блохи—совершенно легко.

„Поза блохи“ мнѣ все-таки показалась унижительнымъ условіемъ; однако, профессоръ зналъ законы науки лучше меня, и мы приступили къ дѣлу.

Прежде всего нужно было помочь ему взобраться на заборъ. Несмотря на искреннія старанія, это оказалось нѣсколько трудно: ступать онъ долженъ былъ какъ можно осторожнѣе, держаться руками не было возможности, и пружины, оттопыриваясь на свободѣ, цѣплялись за каждый выступъ, за каждую щель. Обоимъ намъ пришлось порядочно попрыгѣть, пока профессоръ устроился, наконецъ, на заборѣ во весь ростъ, держась за пригодившееся при этомъ весло. Потомъ онъ объявилъ, что все готово, велѣлъ мнѣ отойти въ сторону и—прыгнулъ.

Лишь только его ноги коснулись земли (онъ не успѣлъ даже опуститься на четвереньки), какъ я увидѣлъ со-

лиднаго профессора въ воздухѣ, футахъ въ двѣнадцати отъ земли, а въ слѣдующую секунду—опять на травѣ, въ двухъ шагахъ отъ того мѣста, съ котораго онъ взлетѣлъ; онъ ушелъ головою въ рыхлый бугоръ земли, недавно нарытый кротомъ.

Когда я его извлекъ отсюда и профессоръ откашлялся, отчихался и выплюнулъ столько земли, сколько было возможно,—оказалось, что онъ ничуть не огорченъ: съ добродушнѣйшей улыбкой объяснилъ онъ мнѣ, что немножко ошибся и прыгнулъ „въ невѣрномъ направленіи“; но попробуетъ снова, и теперь я увижу, какое это славное приспособленіе.

Я опять помогъ ему вскарабкаться на заборъ. На этотъ разъ профессору удалось прыгнуть на четвереньки „въ вѣрномъ направленіи“, и онъ въ ту же секунду понесся вдаль; скользя надъ поверхностью земли въ видѣ огромнаго наука. На разстояніи добрыхъ сорока сажень онъ снова оттолкнулся всѣми четырьмя... лапами и понесся дальше.

Все это произошло очень быстро, и я еще не успѣлъ тронуться съ мѣста, какъ увидѣлъ, что мой ученый пріятель перевернулся неожиданно въ воздухѣ и грохнулся на спину. Вѣроятно, онъ опять сдѣлалъ неправильное движеніе, и такъ какъ у него на спиѣ пружинъ не было, то и продолжалъ лежать неподвижно, въ ожиданіи моей помощи.

Онъ не ушибся; но явно былъ раздосадованъ.

— Мнѣ кажется, профессоръ... началъ я.

— Мнѣ рѣшительно все равно, что вамъ кажется! перебилъ онъ, всплилъ. — Вы, полковникъ, наукой не занимаетесь и не имѣете понятія о

трудностяхъ, которыя выпадаютъ на долю каждаго изобрѣтателя! Помогите мнѣ добраться до забора, прибавилъ онъ; сразу успокоиваясь.—Я добьюсь своего. Надо только подтянуть пружины.

Ковыляя, онъ добрался съ моей помощью до прежняго мѣста и опять сѣлъ на влажную весеннюю землю, поправляя что-то въ своемъ приспособленіи.

На этотъ разъ, постаравшись, онъ прыгнулъ съ забора подале и понесся!.. Я увидѣлъ, какъ почтенный профессоръ, „правильно оттолкнувшись“, подпрыгнулъ второй разъ, третій, четвертый, пятый, шестой, седьмой!..

Лугъ былъ длиною сажень до зоо и оканчивался на противоположной сторонѣ высокой каменной оградой, отдѣлявшей его отъ проѣзжей дороги. Профессоръ несся прямо на нее.

Я побѣждалъ во весь духъ, но, конечно, не могъ соперничать въ скорости съ новымъ изобрѣтеніемъ. На бѣгу я замѣтилъ, что каждый слѣдующій прыжокъ профессора выходитъ на двѣ, на три сажени короче предыдущаго, да такъ оно и должно было быть: иначе этимъ способомъ разрѣшился бы вопросъ о вѣчномъ движеніи.

На лугу кое-гдѣ росли кусты, кое-гдѣ тянулись канавки, но профессоръ миновалъ все это благополучно.

„Но зачѣмъ же онъ несется на стѣну?“ въ ужасѣ думалъ я. „Неужели нельзя упасть какъ-нибудь осторожно, на бокъ?.. Вѣроятно, онъ даже не замѣчаетъ препятствія, стараясь держаться правильно!“

Съ дороги, очевидно, замѣтили странную фигуру, несущуюся надъ землей,

съ растопыренными руками и ногами, развѣвающимися сѣдыми волосами и хлопающими по вѣтру фалдами сюртука; на каменной оградѣ виднѣлось больше десятка человѣческихъ фигуръ, и между ними, къ моему ужасу, ярко выдѣлялась желтая шаль мистриссъ Вагнеръ... А она была строгая дама.

Чувствуя, что мнѣ тоже достанется, но покорясь судьбѣ, я бѣжалъ, не переводя духа... На излетѣ седьмого прыжка профессоръ ткнулся головой въ стѣну и свалился плашмя на траву.

Добѣжавъ, я ошупалъ его шею, спину, плечи, голову и убѣдился, что онъ не сломалъ себѣ ничего, хотя лежалъ въ глубокомъ обморокѣ; на лбу и на рукахъ красовались ссадины, а платье было все изорвано и испачкано сырою землей. Разстегнувъ бѣднягѣ воротъ, я влилъ ему въ ротъ коньяку изъ фляжки, которую, къ счастью, захватилъ съ собой, и къ тому времени, какъ мистриссъ Вагнеръ рѣшилась перелѣзть черезъ стѣну, ея супругъ сидѣлъ уже на травѣ, правда, въ жалкомъ видѣ, но въ полномъ сознаниі.

Ну, и попало же намъ обоимъ!.. Мы, конечно, не стали спорить съ женщиной, но когда случайно подѣхала телѣга и зрители помогли мнѣ усадить въ нее профессора, кое-какъ перетащивъ его черезъ стѣну, то на прощанье я сказалъ мистриссъ Вагнеръ, что если она будетъ такъ сердиться, то, пожалуй, мужъ и въ самомъ дѣлѣ упрыгнетъ отъ нея за тридевять земель.

— Пусть попробуетъ! кротко и рѣшительно отвѣтила строгая дама. Бѣдный профессоръ только опустилъ голову.

Онъ пролежалъ двѣ недѣли, и когда мы послѣ этого встрѣтились, то оказалось, что пружины исчезли невѣдомо куда. Но чудакъ не унывалъ: въ его умѣ зародились уже новые планы!..

Какъ ни скромень былъ нашъ Берлинополльсь, но въ немъ, какъ въ настоящемъ американскомъ городкѣ, непремѣнно устраивались каждое лѣто скачки. И вотъ, профессору пришла охота примѣнить къ спорту „строгую научную“ идею.

Является онъ однажды къ Патерсону, содержавшему ломовыхъ лошадей для перевозки тяжестей, и говоритъ:

— Мистеръ Патерсонъ, мнѣ нуженъ здоровый ломовой конь съ болтающимися ногами. Я слышалъ, что у васъ лошади очень сильныя, такъ, можетъ-быть, среди нихъ найдется такая, какою мнѣ нужно.

— Сильную лошадь съ „болтающимися“ ногами?.. переспросилъ Патерсонъ, который, конечно, узналъ всѣми уважаемаго профессора.

— Да.

— Я не совѣмъ понимаю васъ, сэръ. Я не держу коней, у которыхъ отваливаются ноги.

— Вы меня не поняли: мнѣ нужно, чтобы ноги у лошади не совѣмъ отваливались, но свободно двигались въ суставахъ.

— А вы позволите спросить, сэръ, для чего вамъ понадобилась такая лошадь?

— Нѣтъ! съ достоинствомъ отвѣчала старикъ.—Теперь я не могу объяснить вамъ, въ чемъ дѣло, но даю слово, что въ моихъ намѣреніяхъ нѣтъ ничего противузаконнаго.

Патерсонъ замялся.

— Сэръ... вы не для опытовъ хотите купить лошадь?.. Можетъ-быть, вы ее заживо измучите, чтобы научиться лѣчить людей съ болтающимися ногами?

— Нѣтъ, съ прежнимъ достоинствомъ отвѣчалъ профессоръ.—Могу прибавить одно: лошадь нужна мнѣ для спорта. И я могу дать за нее хорошую цѣну.

Патерсонъ только захопалъ въ недоумѣніи глазами: ломовая лошадь съ болтающимися ногами для спорта?!

Но предложенная цѣна была соблазнительна, и онъ повелъ покупателя въ конюшню.

Остановившись послѣ тщательнаго осмотра на одной изъ рослыхъ лошадей, профессоръ протянулъ Патерсону деньги и спросилъ:

— Теперь скажите мнѣ, какъ имя этой лошади?

Впослѣдствіи Патерсонъ рассказывалъ, что у его лошадей никогда не бывало никакихъ именъ, но при данныхъ обстоятельствахъ онъ не задумался и отвѣтилъ по вдохновенію:

— „Вѣрный Шагъ“.

— Отлично.

И профессоръ удалился, очевидно, довольный своей покупкой. А Патерсонъ скоро забылъ среди работы о странномъ разговорѣ и никому о немъ не рассказавъ.

Но прошло около мѣсяца, и въ одно прекрасное іюльское утро жители Берлинополльса ахнули отъ удивленія: въ нашей газетѣ, въ спискѣ лошадей, записанныхъ на предстоящія скачки, была такая строка:

„Вѣрный Шагъ“ (Владѣтель профессоръ Вагнеръ).

Всѣ поголовно знали профессора Вагнера, и публику поразило, что

почтенный ученый вдругъ пожелалъ принять участіе въ такомъ пустячномъ для него дѣлѣ, какъ скачки. Тутъ Патерсонъ вспомнилъ обстоятельства продажи своей лошади, и разговоръ съ профессоромъ при покупкѣ лошади моментально облетѣлъ весь городъ. Любопытство было возбуждено еще больше. Черезъ два дня появился въ газетѣ портретъ „Вѣрнаго Шага“ и его жизнеописаніе, а черезъ недѣлю новость долетѣла до Нью-Йорка, и даже тамъ публика заинтересовалась, ожидая какой-нибудь шутки. Между тѣмъ, обыватели Берлинополльса прекрасно знали, что профессоръ Вагнеръ никогда и ничего не дѣлалъ ради шутки,—и разговорамъ не было конца. Возбужденіе публики еще больше увеличилось, когда въ газетѣ объявили вѣсь всѣхъ лошадей, назначенныхъ на Берлинополльскія скачки, и оказалось, что „Вѣрный Шагъ“ чуть не вдвое тяжелѣе всѣхъ своихъ соперниковъ.

Тѣмъ не менѣе, за профессоромъ давно признавали талантъ изобрѣтателя, и многіе были увѣрены, что „Вѣрный Шагъ“ какимъ-нибудь образомъ да возьметъ первый призъ! Нашлось даже не мало охотниковъ держать за него пари на большія деньги.

Какъ молнія пронеслась новость о докторѣ, котораго мистриссъ Вагнеръ выписала изъ Нью-Йорка съ просьбой изслѣдовать ея мужа, не сошелъ ли онъ съ ума; но докторъ нашелъ его вполне здоровымъ. Поклонники профессора восторжествовали, и число державшихъ пари за его успѣхи еще больше увеличилось.

Я не заходилъ къ профессору все это время, не желая навязываться и

зная, что это опять какая-нибудь диковинная фантазія, отъ которой его все равно не отговоришь.

Наступилъ наконецъ день, ожидавшійся всѣми съ такимъ трепетнымъ нетерпѣніемъ, и рано утромъ мнѣ принесли отъ профессора записку, съ просьбой прійти къ нему сейчасъ же. Я отправился.

— Милый другъ, радушно встрѣтилъ меня старикъ,—вы мнѣ часто выражали сочувствіе, и я хотѣлъ бы оказать вамъ маленькую услугу: держите сегодня пари за мою лошадь, и навѣрное выиграете большія деньги.

Я молчалъ, не зная, что сказать. Видя мое сомнѣніе, профессоръ взялъ меня за руку и повелъ во дворъ. Отворивъ собственнымъ ключомъ маленькое чистое отдѣленіе сарая, онъ спросилъ:

— Видите это приспособленіе?

На опрятномъ столѣ лежалъ блестящій металлическій цилиндръ, съ какими-то придѣланными къ нему колесиками, гирьками и четырьмя складными тоже металлическими стержнями, къ концамъ которыхъ были придѣланы широкіе браслеты на стеганной подкладкѣ.

— Слушайте, полковникъ, объяснилъ мнѣ старикъ:—скорость лошади зависитъ отъ того, насколько быстро она можетъ перебирать ногами. Вотъ я и придумалъ машину, которая помогаетъ ей перебирать ногами съ очень большой скоростью.

— Гмъ... И дѣйствуетъ ваша машина?

— Дѣйствуетъ. Сначала лошадь падала съ непривычки, но потомъ приоровилась отличнѣйшимъ образомъ; и, кромѣ того, я усовершенствовалъ

изобрѣтеніе, придѣлавъ къ машинѣ нѣсколько гирь и одѣвая на копыта лошади широкіе, устойчивыя башмаки. Теперь она пробѣгаетъ милю въ $\frac{3}{4}$ минуты.

— Что-о?

— Пробѣгаетъ милю въ $\frac{3}{4}$ минуты, спокойно повторилъ профессоръ.— Спросите Джо, если не вѣрите.

Джо, мальчишка-конюхъ, вполне подтвердилъ слова своего хозяина.

— Но вамъ этого не позволятъ, профессоръ! воскликнулъ я.— Вѣдь это все равно, что тащить лошадь на цѣпи за поѣздомъ!

— Вовсе не все равно: никто не будетъ ни тащить, ни толкать лошадь; если она сама не побѣжитъ, машина не станетъ работать; она только помогаетъ ей бѣжать. Вѣдь всѣ употребляютъ хлысть и шпоры, и это не считается незаконнымъ: такъ отчего же моя машина незаконна?..

Я не зналъ, что отвѣтить на это, и спросилъ:

— Кто же на ней поскачетъ?

— Да вотъ, Джо. Онъ не важный бѣздокъ, но этого и не требуется: я его привяжу крѣпко, и онъ не свалится; а машиной управлять онъ умѣетъ. Я приготовилъ ему пеструю куртку и жокейскую шапку и хлысть, все, какъ полагается.

Я посмотрѣлъ на Джо. Онъ улыбался во весь ротъ,—очевидно, былъ доволенъ. Тѣмъ не менѣе, я порадовался въ душѣ, что не мнѣ придется скакать на „Вѣрномъ Шагѣ“. Пожелавъ профессору всякаго успѣха, я распрощался и ушелъ, не рѣшаясь, однако, держать пари ни за, ни противъ него.

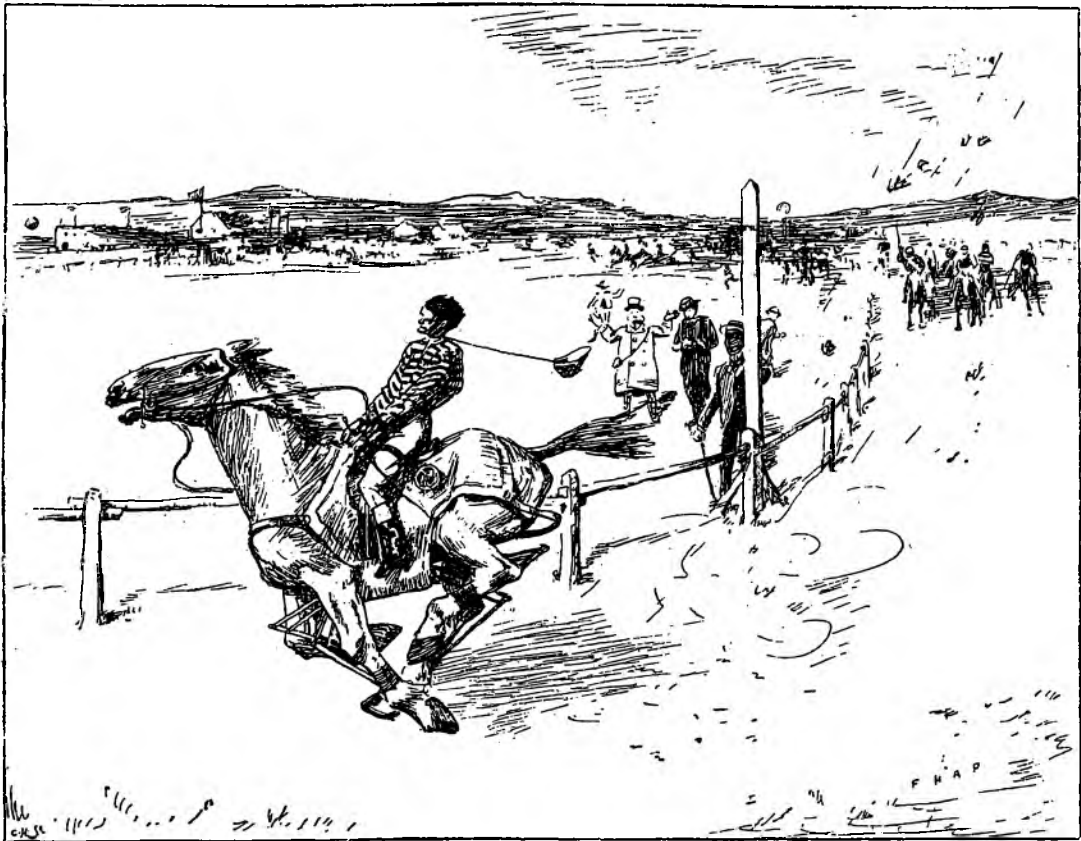
Толпа на гипподромѣ собралась такая, какой никогда у насъ не

бывало; зрители прѣхали чуть не изъ Нью-Йорка.

Всѣ ожидали, что скакать будетъ самъ профессоръ Вагнеръ, и разочаровались, увидя на выведенномъ ломовикѣ худого мальчишку въ полосатой курткѣ домашняго производства. Но видъ лошади вознаградилъ публику и вызвалъ взрывы самого искренняго хохота: на „Вѣрномъ Шагѣ“

не сконфузилась отъ восторженнаго пріема.

Не обращая вниманія на остальныхъ наѣзтниковъ, нервнымъ галопомъ подскакавшихъ къ назначенному мѣсту старта, Джо торжественно подѣхалъ къ нему самымъ спокойнымъ шагомъ. Обыкновенно, большинство публики на скачкахъ толпится у флага, на томъ мѣстѣ, куда должны

красовался полотняный чехоль, оттопыривавшійся подъ брюхомъ; изъ него выглядывали только какіе-то стержни, протянутые къ толстымъ ногамъ коня, а на копытахъ надѣты были уморительные башмаки. Повидимому, лошадь нисколько не стѣснялась въ своемъ странномъ нарядѣ и

прискакать наѣзники; но на этотъ разъ почти всѣ зрители столпились возлѣ столба, отъ котораго должна была начаться скачка. Никто не могъ представить себѣ, какъ побѣдить за другими эта неуклюжая, точно пряничная лошадь!

Подали сигналъ, и всѣ притаили

дыханіе... Звякнулъ короткій, жесткій звонокъ, и семеро лошадей тронулись съ мѣста.

Но прежде, чѣмъ публика успѣла опомниться, Джо на своемъ конѣ описалъ уже половину круга, и когда шестеро остальныхъ всадниковъ доскакали до трети дороги, онъ былъ уже на мѣстѣ. „Вѣрный Шагъ“ благополучно остановился, чуть-чуть проскакавъ за столбъ съ развѣвающимся флагомъ.

Не обращая вниманія на пораженныхъ изумленіемъ судей, сидѣвшихъ въ бесѣдкѣ, Джо, улыбаясь во весь ротъ, гордо повернулъ коня обратно въ конюшни, навстрѣчу показавшемуся оттуда профессору. Но черезъ минуту три виновника торжества были вплотную окружены толпой: одни, — выигравшіе пари, — аплодировали и кричали ура; тѣ, которые никакихъ пари не держали, — хохотали до слезъ, а проигравшіе кричали съ негодованіемъ, что это обманъ, надувательство, и просто неистовствовали отъ злобы. Послѣднихъ было довольно много, и они начали такъ грозно подступать къ профессору, что онъ, наконецъ, обратился къ нимъ со словами:

— Я принужденъ просить васъ быть повѣжливѣе, господа, а то мо-

гутъ выйти непріятности: я захватилъ съ собой новую разрывную бомбу.

Сердитая толпа моментально разсыпалась во всѣ стороны.

Но горячіе разговоры и споры продолжались дольше недѣли. Начали искать объясненій въ законахъ и правилахъ, у всѣхъ извѣстныхъ адвокатовъ, и въ концѣ-концовъ проигравшіе принуждены были отдать деньги всѣмъ, кто выигралъ: никто изъ адвокатовъ, нотариусовъ и знатоковъ дѣла не могъ отвѣтить на простой вопросъ профессора:

— Чѣмъ приспособленіе хуже шпоръ и хлыста? Если позволяется даже причинять лошади боль, то отчего нельзя помочь ей перебирать ногами со всѣмъ безъ боли?

Такъ дѣло и кончилось. Но нашъ профессоръ былъ настолько миролюбивый человѣкъ, что ради общаго спокойствія уничтожилъ машину и обѣщаль не объяснять никому, какъ она дѣлается, а „Вѣрнаго Шага“ возвратилъ обратно Патерсону. Онъ выполнилъ свою идею, и больше ему ничего не было нужно.

Перев. съ англ. Н. Жаринцова.

